

II.6.2. Неведомая Северная Земля

Один был отец семейства, по имени Кифа Мокиевич, человек нрава кроткого, проводивший жизнь халатным образом. Семейством своим он не занимался; существование его было обращено более в умозрительную сторону и занято следующим. как он называл, философическим вопросом: «Вот, например, зверь, — говорил он, ходя по комнате, — зверь родится нагишом. Почему же именно нагишом? Почему не так, как птица, почему не выдупливается из яйца? Как, право, того: совсем не поймёшь натуры, как побольше в неё углубишься!» <...> «Ну а если бы слон родился в яйце, ведь скорлупа, чай, сильно бы толста была, пушкой не прошибёшь; нужно какое-нибудь новое огнестрельное орудие выдумать»

Н. В. Гоголь. Мёртвые души, I, 11

Литература об Атлантиде колоссальна, и попытка обозреть её увела бы нас далеко от темы. Поэтому ограничимся лишь одной линией атлантологии, весьма актуальной в Германии и России XX и (как уже явно можно предположить) XXI вв., — «гиперборейской теорией», помещающей Атлантиду (пусть и под другим именем) в северную полярную область. Именно отсюда происходит раса — изначальный носитель цивилизации, которую вновь не стесняются называть не просто северной, но и старым немецким именем — *нордической*. Помните? «Истинный ариец, беспощаден к врагам рейха, характер — нордический...»

Формальный источник гиперборейского мифа — Геродот, а точнее, его IV книга — «*Мелпомена*», специально посвящённая Скифии и странам вокруг неё. Однако сведения «отца истории» о гипербореях довольно скудны. Он сообщает лишь, что «за исседонами обитают аримаспы — одноглазые люди; за аримаспами — стерегущие золото грифы, а ещё выше за ними — гипербореи на границе с морем. Все эти народы, кроме гипербореев, постоянно воюют с соседями (причем первыми начали войну аримаспы)» (Her.IV, 13). Затем — о ежегодных посольствах гипербореев на остров Делос (Her.IV, 32—35)³⁵. И со знаменательным финалом:

«Итак, о гипербореях сказано достаточно. Я не хочу ведь упоминать сказание об Абарисе, который, как говорят, также был гипербореем: он странствовал по всей земле со стрелой в руке и при этом ничем не питался (в существование гипербореев я вообще не верю). Ведь если есть какие-то люди на крайнем севере, то есть и другие — на крайнем юге. Смешно видеть, как многие люди уже начертили карты земли, хотя никто из них даже не может правильно объяснить очертания земли» (Her.IV, 36).

Иными словами, Геродот лишь передавал распространённую в его время сказку, в правдивость которой сам не верил. Столь же решительно отрицал существование гипербореев крупнейший географ поздней античности — Страбон. Вот все его высказывания на эту тему:

«Переходя затем в область чистой фантастики <...>, относительно тысячелетних гиперборейцев Мегасфен сообщает то же, что Симонид и Пиндар и другие рассказчики мифов» (Strabo XV.1.7 — Страбон 1964: 661).

О землях, лежащих за тирагетами (то есть дальше междуречья Днестра и Южного Буга): «Незнакомство с этими странами заставляет придавать значение тем, кто сочинил мифические “Рипейские горы” и “гиперборейцев”, а также всем этим выдум-

³⁵ Д. А. Мачинский (1997) считал, что эти посольства на самом деле прибывали с Алтая и из Минусинской котловины, где в IV—I тыс. до н. э. находились сакральные центры скифского мира (в широком смысле слова), память о которых сохранилась, в частности, в иранских источниках.

кам Пифея из Массалии о странах вдоль океанского побережья...» (Strabo VII. III.1 — Страбон 1964: 270).

«Старинные греческие историки называли все северные народности общим именем скифов или кельтоскифов. Однако ещё более древние историки установили различие между ними, называя племена, жившие над Евксинским Понтом, Истром и Адриатическим морем, гиперборейцами, савроматами и аримаспами» (Strabo XI. VI.2 — Страбон 1964: 480). Иными словами, по мнению Страбона, «гиперборейи» — всего лишь устаревшее обозначение каких-то племён Центральной Европы к северу от Дуная.

«Далее, Пифей из Массалии говорит, что Фула³⁶, самый северный из Бреттанских островов, является наиболее отдалённой страной и там летний тропик одинаков с полярным кругом. *У других писателей я не нашёл ничего по этому вопросу*: ни о том, что существует какой-то остров Фула, ни о том, что земля до тех пор обитаема, где летний тропик становится полярным кругом. <...> Ведь современные писатели ничего не могут сообщить о какой-либо стране севернее Иерны...» (Strabo II. V.8 — Страбон 1964: 116; выделено мной — Л. М.).

Таким образом, упоминания о гиперборейях и острове Туле Страбон обнаружил лишь в малоавторитетных источниках: у эпических поэтов, географический кругозор которых — под вопросом, а научная точность и вовсе не входила в их обязанности; у Пифея, который сейчас хотя и реабилитирован историками (в древности он считался чем-то вроде Мюнхгаузена), но не сообщает о Севере ничего необъяснимого с сегодняшней точки зрения; и у Мегасфена — рядом со сказками об одноглазых людях и людях с ушами до земли.

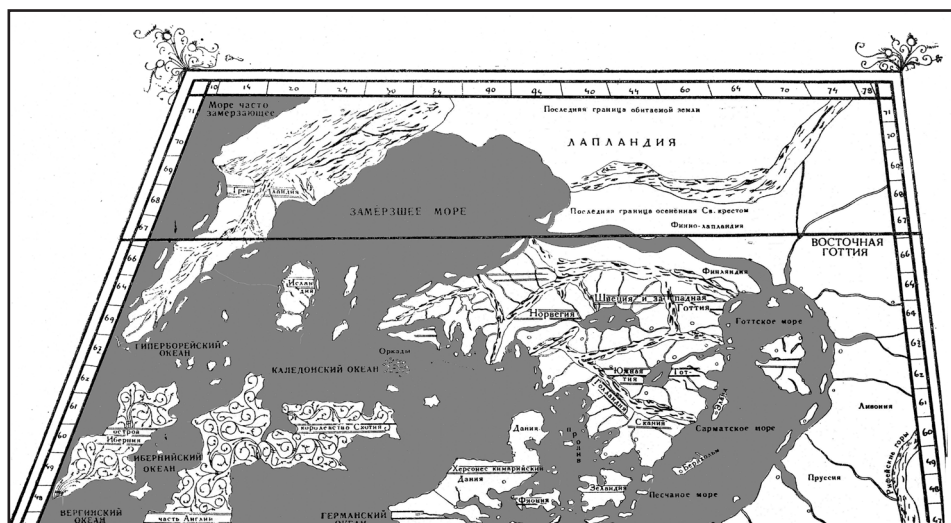
У Птолемея понятие «гиперборейский» (буквально — «над северным ветром») — всего лишь аналог нашему понятию предельно дальнего Севера. Так, «Гиперборейским» у него назван океан севернее Ирландии, и в то же время — горный хребет, с которого стекают обе реки Ра, т. е. Волга и Кама; этот хребет тянется примерно по 62° северной широты. Остров же Туле на карте Птолемея расположен на месте Шетландских островов и не превышает их суммарного размера (Томсон 1953: 337, 357).

Из всего этого как-то не вырисовывается, что греки верили в реальное существование культурного народа (тем более древнейшей и высокой культуры) на Крайнем Севере, а тем более — обладали о нём какими-то определёнными сведениями.

Средневековые карты — случай более сложный. Довольно долго на них помещалась какая-то обширная и неведомая северная суша. На Лаврентьевом портолане 1351 г. — морской карте из собрания Лоренцо Медичи (Бейкер 1950: 47), на датской карте Клавдия Клавуса Нигера (Магидович 1967: 49), в Варшавском атласе около 1467 г. (там же: 48) Гренландия представлена как часть Европы, соединённая с ней массивной сухопутной перемычкой в самых высоких широтах. Как замечает по этому поводу Р. Рамсей, крупный историк географических открытий, тогдашним географам проще было счесть Гренландию частью Европы, чем допустить существование четвёртой части света.

Так, в Лаврентьевом портолане Скандинавия дублируется каким-то ещё большим выступом, за которым следует Гренландия, и по всему северному краю этой карты никакого моря нет. В Варшавском атласе вся Скандинавия вместе

³⁶ В наши дни чаще пишется «Туле» (Θουλή, Thule). Иерна — Ирландия.

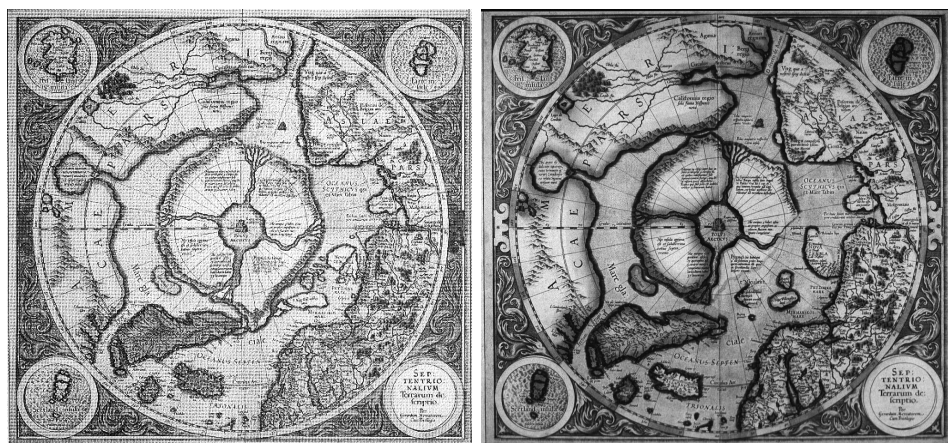

Карта северных стран из Варшавского атласа (ок.1467 г.). По: (Магидович 1967: 48).

с Финляндией³⁷ показана как остров, за которым лежит «Восточная Готия» (видимо, Эстерботния — во времена шведского господства так называли часть Финляндии по восточному берегу Ботнического залива) и «Финно-Лапландия» — как тут же помечено, «последняя граница, осенённая Св. Крестом». За этой границей тянется громадный горный хребет, превосходящий даже Рифейские горы (видимые в правом нижнем углу карты), а за ним — истинная Лапландия, замыкающая Атлантику с севера и переходящая в большой полуостров — Гренландию. При этом море между Гренландией, Исландией, Ибернией (Ирландией) и Скотией (Шотландией) названо, естественно, Гиперборейским океаном.

Гипотетический материк у Северного полюса помещался на европейские карты XVI—XVII вв., составляя достойную пару Неведомой Южной Земле. Так, на «Ватиканской карте мира», выполненной Антонио Варросино и Эгнацио Данте в 1585 г., Гренландия достигает полюса, занимая половину Ледовитого океана и отделяясь от северной Норвегии лишь узким проливом. При этом колоссальный остров показан свободным ото льда — на нём даже можно различить какие-то реки (Dumitru-Snagov 1996: 250). Однако особенно охотно сторонники гиперборейской теории ссылаются на карту Герхарда Меркатора, где у полюса расположен обширный континент с выступами, отчасти напоминающими даже свастику. Действительно, Меркатор помещал неведомую северную сушу на все свои карты, но не забудем, что карт этих было много, и детали их не совпадают. На одной из них, достаточно известной, Северная Америка к северу расширяется и переходит в сушу, захватывающую Гренландию и уходящую за северную кромку карты. Куда? — в Восточное полушарие, вероятно? Но на восточной половине карты нет даже признаков какой-то суши у полюса!

³⁷ «Финляндией» в то время называли лишь «Собственно Финляндию» (ныне Варсинайс-Суоми), район Турку.

Неведомая Северная Земля на картах Меркатора 1554 г. (слева) и 1595 г. (справа). Видно, как она уменьшается, начиная с наиболее исследованных частей Арктики.

Комментируя эти сведения, П. Ю. Черносвитов — археолог, занимающийся реальными раскопками на Крайнем Севере (на Шпицбергене), — на вопрос автора этих строк ответил:

«Особенно сомнительное впечатление производят попытки поместить эту прародину в Арктику, ссылаясь на ранние карты Меркатора с обозначенной на них околополюсной Арктидой с горой Мэру на полюсе и четырьмя равными четвертями, отделёнными друг от друга реками (или проливами?). Энтузиасты “Гиперборейской прародины” почему-то не хотят замечать, как, по мере реального освоения Арктики, количество “четвертей” в картах Арктики постепенно убывает, начиная с западного сектора, освоенного европейскими мореходами в первую очередь — начиная уже с XVI века. В итоге вся Арктида исчезает с европейских карт Арктики, что закономерно»³⁸.

На карте мира А. Ортелия (1570—1571 г.) северные берега Евразии и Америки срезаны очень ровно. Дальше идут три громадных острова, тянущиеся цепочкой — аккуратно, словно вырезанные по линейке, но оставляя Северо-западный и Северо-Восточный проходы. Ни один из этих островов, однако, не достигает полюса. На специальной же карте «*Описание северных регионов*» того же Ортелия (см. <http://absolutgraphic.narod.ru/ortelius/ortelius1.html>) севернее Атлантики видны два громадных острова (рядом с ними — ещё три более мелких). Причём на восточном острове видна какая-то речка, протекающая меридионально, а рядом с ней — надпись: «*Pigmei hic habitant*» («Здесь живут пигмеи»).

Р. Рамсей (1982: 141) комментирует это так:

«Меркатор на своей карте мира 1567 года и вслед за ним Ортелиус в 1571 году уравнивали Terra Australis Incognita <...> значительно меньшей по размерам Terra Septentrionalis Incognita³⁹. В противовес огромному, неуклюжему и расплывчатому пятну, каким выглядела Неведомая Южная Земля, Неведомая Северная Земля представляется довольно красивым и чётко очерченным континентом, при взгляде на ко-

³⁸ Сообщение из частного электронного письма от 21.11.2006 г. Автор благодарит П. Ю. Черносвитова за ценную информацию.

³⁹ Неведомая Южная земля... Неведомая Северная земля (лат.).

торый кажется, что он распростёр свои крылья над земными массами различных конфигураций, находящимися под ним <...>. Своим существованием она больше обязана художественному чувству симметрии, чем географическому мифу. Ещё до конца XVI столетия путешествия Баренца на восток и Дэвиса на запад привели к тому, что представления об Арктике кардинально изменились. Поэтому в Северную Землю, по видимому, никогда всерьёз не верили и она никогда не была объектом серьёзных исследований» (Рамсей 1982: 141).

И понятно, почему. Ведь окажись Неведомая Южная Земля там, где её поместили Меркатор и Ортелиус (то есть в умеренных и отчасти даже тропических широтах), — это означало бы не только надежду на золото и серебро, но и новые плодородные поместья, и базы на кругосветных путях, и миллионы рабов для плантаций Перу и Бразилии (поэтому плантаторы очень интересовались этими поисками). Материк в районе Северного полюса ничего подобного обещать не мог: это было ясно уже в то время. Испанцы даже территорию современных США, где они не нашли золота и серебра, обозначали на своих картах как «ненужные земли» (*tierras inútiles*), что уж до полярных широт! Любой мореплаватель тех времён мог сказать о Северной земле то же, что Дж. Кук об Антарктиде:

«Эти земли, обречённые природой на вечную стужу, лишённые теплоты солнечных лучей; у меня нет слов для описания их ужасного и дикого вида. Таковы земли, которые мы открыли; но каковы же должны быть страны, расположенные ещё дальше к югу. Я с полным основанием предполагаю, что мы видели лучшие из них, самые северные и тёплые. Если кто-либо обнаружит решимость и упорство, чтобы разрешить этот вопрос, и проникнет дальше меня на юг, я не буду завидовать славе его открытий. Но должен сказать, что миру его открытия принесут немного пользы» (Кук 1948 {1784}: 444).

Насколько можно доверять всем этим гипотетическим *imagines mundi*? Ни насколько. Ведь это была эпоха умозрительной географии. Картографы средних веков, как природа у Аристотеля, «боялись пустоты», поэтому на их картах нет белых пятен: они заполнены чем угодно, на любом основании — от непроверенного мифа до собственных логических соображений. Точное знание, гипотеза и вымысел здесь ещё не различаются, разницу между ними эпоха ещё не понимала. Ещё в XVIII в. считалось допустимым утверждать, что земной шар потерял бы равновесие и перевернулся, если бы масса материков Северного полушария не была уравновешена такой же или даже большей массой в Южном. Эта теория, выдвинутая ещё Г. Меркатором (Бейкер 1950: 175) и обоснованная П.-Л. Мопертюи и Ш. де Броссом, была опровергнута только вторым плаванием Дж. Кука в высокие широты Южного полушария (цитату из его отчёта об этом плавании мы только что приводили). Лишь тогда «умозрительной географии, которая опиралась на метафизические костыли и подпорки, нанесён был смертельный удар» (Свет 1966: 158—159, 189).

Над сознанием картографов «тяготели, как кошмар, традиции всех мёртвых поколений». Взглянем ещё раз на карту из Варшавского атласа: контур Британии на ней явно с карты Птолемея. Норвежцы уже плавали вдоль своего берега до Белого моря, шведы уже колонизовали Финляндию, — казалось бы, они-то уже знали, что Скандинавия — полуостров? Нужды нет: раз у Птолемея сказано: «остров Скандия», значит — остров! Так он и изображён — с Норвегией, Швецией (точнее, Свеаландом), Западной и Южной Готией (Гёталанд), Сконе и «Голландией» (на самом деле Халланд, в то время датская область на берегу Каттегата). А колоссаль-

ные Рифейские горы, предмет споров древних географов (порождённый, вероятно, смутными сведениями об Урале), тянутся сразу за Пруссией и Ливонией. Надо ли напоминать, что в тех краях и их окрестностях никаких «гор» выше Валдая нет?

Кроме того, на навигационных картах часто можно встретить обозначения: P. D. (*positio dubitabilis* — положение сомнительно) и E. D. (*existentia dubitabilis* — существование сомнительно). Картограф тех времён предпочитал в случае неуверенности допустить скорее научную ошибку, чем ошибку практическую, и лучше уж нанести несуществующий остров, чем стать виновником чьего-то кораблекрушения, если остров там всё же есть (Рамсей 1982: 75). Это замечание Р. Рамсея вновь напоминает, что для тогдашнего картографа «наука» была лишь сводом мёртвых правил, неизменных с глубины веков и никак не помогающих ему в его практической деятельности. Иными словами, это вовсе не то, что мы называем наукой в наши дни. Картограф был чем-то средним между художником и наёмным чертёжником, а карта — не научным трудом, а произведением ремесла и в то же время искусства (греческое τέχνη означает и то, и другое). У Рэли рассказал об «острове Жены художника» — картограф нанёс его на карту по настойчивым просьбам своей жены, просто чтобы сделать ей приятное (см., напр.: Рамсей 1982: 97—98). Что же касается пустых мест, то их щедро заполняли не только орнаментом (как в Варшавском атласе), не только изображениями экзотических зверей и аборигенов (в соответствии с представлениями своего времени о романтике), но и гипотетическими и даже условными «землями». Лишь по мере расширения научных знаний о мире на картах начали появляться белые пятна — честные признания, что наука не знает, но непременно постарается узнать, что же за этими пятнами скрывается. «Именно д'Анвиль в 1761 г. впервые убрал с карты слонов, а места, сведения о которых отсутствовали, оставил в виде белых пятен» (Джеймс, Мартин 1988: 131).

Чтобы понять, что можно натворить с помощью старых карт, вспомним глобус М. Бежайма (1492 г.), на котором нет Америки. А также карту Тосканелли (1474 г.), на которой между берегами Европы и Китая — лишь море, довольно узкое (как высчитал по этой самой карте Колумб, — пятьсот лиг) и заполненное островами. Какой ход мысли подсказывает логика атлантологов? Следовало бы сделать вывод, что картографы знали своё дело, и значит, в их время Америки там не было! Да и весь земной шар был меньше нынешнего! В подтверждение можно сослаться на «свидетельство» Сирано де Бержерака (1989 {1647—1659}: 200), что Америка — это действительно новая земля, отброшенная к нам Солнцем (иначе её открыли бы давным-давно), а пятна на Солнце — «это целые миры, ещё строящиеся». Правда, роман Сирано — фантастический и даже сатирический, но этой интимной подробности касаться не будем. Не мог ли и сатирик, незаметно даже для себя, опираться на какое-то «древнее знание»? И готова «теория»? Осталось сделать из неё логичные выводы, додумать получившуюся картину и уязвить ею «историков-снобов» и прочую «официальную науку». И всё это — не вставая с дивана, а порой — даже не представляя, чем отличается настоящая работа теоретика от «философических вопросов» гоголевского Кифы Мокиевича! Вся информация найдена в одной лишь ближайшей библиотеке. Последнее, о чём остаётся мечтать, — Нобелевская премия с доставкой на дом.

К этому можно добавить, что Платонова Атлантида никогда не изображалась ни на одной из карт (Рамсей 1982: 202—203, послесловие А. И. Соловьёва). Это

и понятно, раз она затонула (хотя даже Помпеи и Геркуланум даже в эпоху Возрождения отмечались как ныне существующие города — их механически переносили с древних карт на новые). Но тогда какая логика заставляла картографов изображать одну «затонувшую» сушу и игнорировать другую? До XVIII века на картах могли помещаться пространные комментарии. Но ни один из них не гласит: «эти острова — остаток Атлантиды». Или Гипербореи.

Новую жизнь в атлантологию и поиски гипербореев вдохнул катастрофизм Ж. Кювье и его последователей. Страсти особенно накалились в 1830-х годах, когда ожидали столкновения Земли с кометой Биеллы, что должно было вызвать конец света — от поворота земной оси и полного изменения климата до раскола нашей планеты на две половины. В то время ещё не знали, что масса комет на самом деле ничтожна, так что подобное столкновение прошло бы незамеченным, даже если бы и случилось. И в 1833 г. крупный русский востоковед и публицист Осип Иванович (Юзеф) Сенковский, талант которого высоко ценил Пушкин, высмеял эти взгляды и эти страхи в повести *«Учёное путешествие на Медвежий остров»*.

Герой этой повести, барон Брамбеус (литературный псевдоним Сенковского и младший собрат барона Мюнхгаузена, его имя первые зрители гоголевского *«Ревизора»* понимали без пояснений) вместе с натуралистом Шпурцманом попадает на один из Новосибирских островов⁴⁰ и обнаруживает там «Писаную комнату», о которой давно ходили легенды. Брамбеус, до этого якобы учившийся у самого Ж. Ф. Шампольона (его расшифровка египетской письменности в те годы была ещё свежей сенсацией), обнаруживает, что надпись сделана египетскими иероглифами, и даже прочитывает её. Оказывается, она содержит картину последних дней допотопного человечества, погибшего из-за столкновения Земли с ужасной кометой, изменившего направление земной оси:

«Наши прекрасные родины, наши чертоги, памятники и сказания покоятся на дне морском, или под спудом новых огромных гор. Здесь, где теперь простирается это бурное море, покрытое льдинами, ещё недавно процветало сильное и богатое государство, блистали яркие крыши бесчисленных городов, среди зелени пальмовых рощ и бамбуковых плантаций ...». «... нынешняя Барабинская степь, в которой живут буряты и тунгузы, есть, по всей вероятности, только остаток славной, богатой, просвещённой предпотопной империи, называвшейся Барабиею, где люди ездили на мамонтах и мастодонтах, кушали котлеты из аноплотерионов, сосиски из антракотерионов, жаркое из лофиодонтов, с солёными бананами вместо огурцов, и жили по пятисот лет и более <...>. Знаете ли, любезный Иван Антонович <...>, что некогда во всей якутской области по всем канцеляриям писали египетскими иероглифами так же ловко и бойко, как теперь гражданскою грамотою?» (Сенковский 1986 {1833}: 28, 90).

Однако вся эта история «сибирского домашнего потопа» (: 87) тут же лопается, как мыльный пузырь: является горный инженер и объясняет, что перед ними не надпись, а всего лишь особый род сталагмита, способный принимать очень причудливые формы. Эти-то формы наши горе-учёные и приняли за иероглифы — и «расшифровали». То есть — истолковали в духе Гораполлона: заранее допускается, что

⁴⁰ Как утверждает барон Брамбеус, Медвежий остров лежит в проливе между Фадеевским островом и Новой Сибирью, у юго-западного угла последней. Современная карта показывает группу Медвежьих островов в 130 км к северу от устья Колымы, в стороне от Новосибирских.

надпись (или то, что мы за неё принимаем) содержит скрытый смысл, а дальше — дорогу интуиции!

О. И. Сенковский оказался пророком. Буквально подобная же сенсация обошла советскую прессу в 1970-х годах — вместе с малахитовой шкатулкой, в узоре которой кто-то сумел «прочесть» секретное пиктографическое послание от Пугачёва. Узор на одном из участков напоминал портрет самого Пугачёва, на другом — Екатерины II, нашёлся и вензель императрицы, и изображение Невьянской башни... Правда, всё это было страшно искажённым, а взаимное расположение «знаков» — труднообъяснимым. Потребовался долгий анализ, совместно проведённый историками и минералогами, чтобы установить, что узоры на шкатулке — действительно игра природы, которую человеческое воображение само дорисовывает до всего, что очень желает увидеть.

Интересно, что, пародируя катастрофизм, О. И. Сенковский попал прямиком в «гиперборейскую теорию». Ведь его «допотопный Египет» оказался на ныне затопленном шельфе моря Лаптевых, а роль Нила в нём играет Лена. Барон Брамбеус гомерически посмеялся над А. И. Асовым и В. Н. Дёминым ещё за сто лет до их рождения! Это — одна из лучших мюнхгаузиад в истории науки.

В постсоветской России одним из ярких пропагандистов гиперборейской идеи был Валерий Никитич Дёмин (1942—2006), доктор философских наук из Новосибирска (диссертация — *«Философские принципы русского космизма»*, 1997) и в то же время писатель-фантаст. Считать его малоизвестной фигурой не приходится. Тираж его книги *«Тайны русского народа. В поисках истоков Руси»* (Дёмин 1997) — 16 тыс. экземпляров: для России того времени, притом для книги, претендующей на научное, а не художественное, значение, — это очень много. Других его трудов касаться не будем: это увеличило бы только объём данного труда, но ничего не прибавило бы к сути дела.

В том же 1997 году, когда вышла упомянутая книга, В. Н. Дёмин возглавил археологическую экспедицию на Кольский полуостров в поисках Гипербореи и даже уверял, что нашёл её следы. Интересно, однако, кто ему — философу, а не археологу, — выдал открытый лист на такие исследования?⁴¹ Так или иначе, всё, что ему удалось найти, учёных не убедило. Академическая наука и сегодня не интересуется поисками Гипербореи. Это, однако, не изменило позиции В. Н. Дёмина, оставшегося убеждённым в своей вере до конца дней.

⁴¹ К сведению тех, кто никогда не сталкивался с археологией: открытый лист — это разрешение на раскопки, выдаваемое конкретному учёному на исследование конкретного памятника. Выдать его может только академический институт и только археологу-профессионалу. Раскопки без такого документа считаются грабительскими и ведут если и не на скамью подсудимых, то — самое меньшее — к научной дисквалификации. Это касается даже профессиональных археологов, самочинно раскапывающих памятник, на который они не получали открытого листа. С другой стороны, любые результаты раскопок являются авторской собственностью держателя открытого листа и подпадают под закон об авторском праве.